

Милица Нечкина

Пушкин, Грибоедов и декабристы

Опасные
знакомства

Русская история (Алгоритм)

Милица Нечкина

**Пушкин, Грибоедов и
декабристы. Опасные знакомства**

«Алисторус»

1947

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3std1-8пр1

Нечкина М. В.

Пушкин, Грибоедов и декабристы. Опасные знакомства /
М. В. Нечкина — «Алисторус», 1947 — (Русская история
(Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-391-7

«Любовь к родине, вера в Россию, в ее силу, мощь, достоинство, любовь активная, горячая, мобилизующая на поступки, является характерной чертой передовой молодежи того времени, - пишет М. В. Нечкина (1899-1985), крупнейший советский историк, академик АН СССР. - Этот патриотизм молодежи, существенно отличавшийся от казенного, официального патриотизма, стал идейной базой для формирования будущих декабристских организаций, - продолжает она, - к которым были очень близки А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов». В своей книге, интересной не только как историческое чтение, но и прекрасными литературными качествами, М. В. Нечкина показывает отношения, связывающие Пушкина и Грибоедова с декабристами, приводит множество подробностей из их жизни, а также останавливается на вопросе, были ли авторы «Евгения Онегина» и «Горя от ума» приняты в тайные общества. Особой темой проходит следствие по делу декабристов, где неоднократно упоминались имена Пушкина и Грибоедова, что могло окончиться очень плохо для обоих. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3std1-8пр1

ISBN 978-5-00269-391-7

© Нечкина М. В., 1947

© Алисторус, 1947

Содержание

Пушкин и декабристы	7
Введение	7
«Вольность»	9
«Зеленая лампа»	13
В южной ссылке	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Милица Нечкина
Пушкин, Грибоедов и
декабристы. Опасные знакомства**

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Серия «Русская история»

© Нечкина М. В., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Пушкин и декабристы

Введение

Изучение отношений Пушкина к декабристам давно занимало исследователей. Этот вопрос более всего интересовал литературоведов, историки же занимались им значительно меньше.

Не владея материалом по истории декабристов, литературоведы, как правило, трактовали вопрос двояко: во-первых, в плане узко личных отношений Пушкина с «заговорщиками»; во-вторых, в плане непосредственно «декабристских» тем в творчестве Пушкина и того впечатления, которое произвела на него казнь декабристов (зарисовки виселицы с пятью трупами, профили декабристов на полях рукописей, X глава «Онегина», «Послание в Сибирь», «Арион»).

Значительно менее привлекала внимание исследователей другая сторона вопроса – отношение декабристов к Пушкину. В силу этого в тематике исследования совсем исчезал или уходил на последнее место вопрос об идейной близости Пушкина и декабристов.

Нет сомнений, что движение декабристов объективно связано с подъемом общественного движения в ту эпоху, которая была открыта в мировой истории французской революцией конца XVIII века. Это отчетливо сознавалось и ими самими. Пестель показывал на следствии: «Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода как на богатстве, так и на правах наследственных основанными».

Этот массовый подъем декабристы понимали как отличительную черту эпохи, деятелями которой они являлись. «Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, этих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клочкотать», – показывает Пестель.

Пушкин еще на лицейской скамье, через своих лицейских друзей, в том числе лучшего и любимейшего друга И. Пущина, несомненно, находился в сфере воздействия этих идей. На молодого Пушкина, бесспорно, влияло и русское общественное движение, – влияло прямым образом, через лучших друзей-лицеистов. И. Пущин, Дельвиг, В. Кюхельбекер и Вольховский были посетителями кружка, называвшего себя «Священной артелью». Эта организация готовила друга Пушкина Ивана Пущина ко вступлению в первое общество декабристов – «Союз спасения».

Вообще связи юноши Пушкина с кругом будущих декабристов шире, чем принято думать. Так, в книге лицейских посетителей записано, что 22 ноября 1814 г. лицей посетил «прапорщик Муравьев», – это, очевидно, будущий декабрист Никита Муравьев, так как никто, кроме него, из известных нам Муравьевых не имел тогда чина прапорщика. В той же книге лицейских посетителей неоднократно упоминается фамилия Пестеля: так, 17 мая 1814 г. лицей посетил «действительный статский советник Пестель с фамилиею», имеются и другие записи такого рода.

Пушкин в Лицее

Важно отметить и близость Пушкина с братьями Тургеневыми, из которых будущий член «Союза благоденствия» и в дальнейшем один из крупнейших идеологов Северного общества, Николай Тургенев, имел в то время на Пушкина большое влияние. Тургеневы знали Пушкина еще ребенком. После окончания Пушкиным лицея С. И. Тургенев в 1817 г. уже рассматривал Пушкина как будущего политического писателя, выразителя свободолюбивых идей передового общественного слоя. «Мне опять пишут о Пушкине, как о развертывающемся таланте, – записывает в дневник С. И. Тургенев 1 декабря (нового стиля) 1817 года. – Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность, и вместо оплакивания самого себя пусть первая песнь его будет: свободе».

«Вольность»

Во второй половине 1817 г. Пушкиным написана ода «Вольность». Политические лозунги этой оды общи с основными политическими лозунгами «Союза спасения». Это лозунги ограничения самодержавия, произвола, «тиранства» законами, стоящими выше политических властителей.

Борьба за конституционную монархию была основным политическим лозунгом «Союза спасения» при всей внутренней борьбе, развертывающейся в этой первой декабристской организации. «Настоящая цель первого общества была введение монархического конституционного правления», – показывает П. И. Пестель. Об этом же свидетельствуют С. Муравьев-Апостол, Якушкин и ряд других членов «Союза спасения». «Вольность» Пушкина связана с одноименной одой Радищева, несомненно, повлиявшей на него.

«Из людей, которые были его старее, Пушкин все чаще посещал братьев Тургеневых, – пишет Ф. Вигель. – Они жили на Фонтанке, против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и к ним, т. е. к меньшему Николаю, собирались нередко высокородные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи... Пушкин вскочил на большой и длинный стол, стоящий перед окном, растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать...»

Так появилась на свет ода «Вольность». С огромной политической смелостью и бесстрашием воспевал Пушкин «Закон», стоящий выше монархов:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье...

Характеристика страны, угнетаемой деспотизмом, дана Пушкиным в «Вольности» с потрясающей силой:

Увы! куда ни брошу взор
– Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Надо воспринять эти строки и как характеристику политической обстановки, в которой создавалась ода «Вольность», чтобы оценить как смелость Пушкина, так и глубоко прогрессивное значение политических лозунгов его произведения.

Боязнь «ужасных происшествий» французской революции, «плебейской расправы» (или «ужасов народной революции») – характерная черта движения декабристов. Она сказывается в оценке казни Людовика XVI и в характеристике гильотины как «преступной секиры». Осуждая подобную расправу, Пушкин, однако, признает одновременно ее полную неизбежность для стран, где властвует тиранство, где закон «дремлет». Не восхищаясь гильотиной, он угрожает

ею тиранам. В «Вольности» казнь Людовика XVI приведена лишь как пример того, чем грозит история «племенам», в которых нет ограничения власти законом.

Правительственный шпион Грибовский, проникший позже в «Союз благоденствия», доносил о Николае Тургеневе, что он «нимало не скрывает от своих правил» и постоянно «грезит гильотиною». Пушкин в «Вольности» тоже «грезит гильотиною», неизбежность которой для него ясна.

* * *

В оде «Вольность» Пушкин высказывает отрицательное отношение к дворцовому перевороту, к убийству Павла I. Этот момент еще раз доказывает идейную близость Пушкина к декабристам и отнюдь не может являться доводом в пользу «умеренности» политических позиций Пушкина. Предположение, что чем «левее» декабрист, тем положительнее должен-де он относиться к убийству Павла I, основано на незнании идеологии декабристов. Декабристы глубоко задумывались над перспективой дворцового переворота и сознательно отвергли этот путь как неправильный и омерзительный. Они решили открыто выступить перед лицом всего народа, на столичной площади.

Чтобы оценить отказ декабристов от дворцового переворота, надо помнить, что этот путь для них мог быть вполне реальным: декабристы – не какой-нибудь захолустный кружок провинциальных юношей, в глаза не видевших ни столицы, ни царского дворца. Декабристы – военные, столичные люди, теснейшим образом связанные с гвардией, не раз державшие внутренние караулы в Зимнем дворце. Для примера возьмем суждение о дворцовом перевороте столь левого декабриста, как А. В. Поджио, члена Южного общества. Вот какую оценку дает он в своих воспоминаниях убийству Павла I: «Пьяная, буйная толпа заговорщиков врывается к нему и отвратительно, без малейшей гражданской цели его таскает, душит, бьет... и убивает! Убийцы были награждены, за ними был легкий и жалкий успех! Нет, не они нам пример: то были действительно убийцы, убийцы прославленные; мы же... доскажу впоследствии; но я искал для себя образцов и не обрел их».

Эту черту декабристов тонко и точно подметил А. И. Герцен: «Серальный переворот был для них противен», – писал он. В связи с этим отношение Пушкина к убийству Павла I, взятое в исторической обстановке, расценивается совершенно иначе:

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары
– Погиб увенчанный злодей.

Ведь Павел I не перестает быть для Пушкина «злодеем» из-за того, что он погиб под «бесславными ударами» вторгшихся, как звери, янычаров. Осуждая дворцовый переворот, Пушкин в то же время опять-таки признает его неизбежным для страны, где властвует тиранство, а не закон. Он угрожает подобной расправой тирану, питая к ней в то же время ужас и отвращение. Поэтому надо отказаться от привлечения этого текста «Вольности» для доказательства какой-то особой политической «умеренности» Пушкина: оно основано на простой неосведомленности и привычке оперировать абстрактными, выхолощенными от исторического содержания

ния понятиями. «Серальный переворот был для Пушкина противен» – так можно перефразировать слова Герцена в отношении к Пушкину, и эта мысль будет полностью верна.

Пушкин за сочинением стихов

Надо подчеркнуть, что трактовка убийства Павла I как позорного и омерзительного пути заговорщиков имела в момент написания оды «Вольность» особую политическую остроту, отмечена особой смелостью: ведь на престоле сидел участник убийства – Александр I. Понятно, что он никогда не мог забыть нанесенного Пушкиным оскорбления: ода «Вольность» была важной причиной ссылки Пушкина на юг.

Серьезную ошибку в оценке оды «Вольность» совершает также Б. Томашевский, когда он в предпосланной однотомнику Пушкина его биографии пишет: «Политическая идеология «Вольности» свидетельствует о влиянии на Пушкина весьма умеренных либеральных идей, получивших временное господство в западной публицистике после восстановления Бурбонов. С точки зрения этой политической системы «законности» (легитимизма) французская революция была примером заблуждения и одичания нации; революционные эксцессы привели, естественно, к тиранической военной диктатуре Наполеона; только восстановление законной династии, на первых же шагах даровавшей французам конституцию («хартию»), обеспечивает порядок и процветание страны».

Ошибки, содержащиеся в приведенной цитате, очевидны. После всего изложенного выше нет нужды доказывать, что Пушкин не имел ничего общего с контрреволюционной теорией легитимизма, провозгласившей «законность» династий, свергнутых революцией. Мракобесие французской «Chambre introuvable» и пушкинская ода «Вольность», разумеется, не только не имеют между собой ничего «общего», а находятся на двух противоположных полюсах.

Замечательнейшей чертой пушкинской оды «Вольность» является ее открытый и вдохновенный призыв к восстанию, о котором обычно забывают упоминать комментаторы, умаляющие ее политическое значение:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Эти строки не нуждаются в комментарии: они предельно ясны. Ода «Вольность» во имя только что разобранных политических лозунгов призывала к восстанию и не видела в аракчеевской России другого пути для завоевания своих политических идеалов.

Замечательно, что и Пушкин и его друзья, близко знакомые с его вольнодумным творчеством, хорошо знали адрес, по которому была написана «Вольность». Она как бы адресовалась к народным массам. В опубликованном материале записей Бартенева о Пушкине сохранился ранее неизвестный исследователям отрывок воспоминаний М. Волконской о путешествии Раевского с Пушкиным по Кавказу. Старика Н. И. Раевского, героя 1812 г., всюду «встречали с большим почетом; в городах выходили к нему навстречу обыватели с хлебом-солью. При этом он, шутя, говаривал Пушкину: «Прочти-те-ка им свою оду («Вольность»»). Что они в ней поймут?» Вообще он подразумевал, что Пушкин принадлежит к масонам, дразнил его и уверял, что из их намерений ничего не выйдет».

«Зеленая лампа»

Создание декабристских организаций идет в это время полным ходом. Наиболее ранняя тайная организация декабристов – «Союз спасения» – была основана в 1816 г. и просуществовала до 1818 года. Среди членов «Союза спасения» мы видим друзей Пушкина; на первом месте тут надо поставить первого и «бесценного» его друга – И. И. Пущина. Пущин был принят в «Союз спасения» в 1817 г., т. е. в год лицейского выпуска.

Декабристские идеи носились в воздухе. К их восприятию и Пушкина и его товарища прекрасно подготовила вольнодумческая лицейская атмосфера. Не мог не повлиять на политическое настроение юного Пушкина и тот кружок, который обусловил радикальные настроения его друга Пущина. «Еще в лицейском мундире, – пишет Пущин, – я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы Александр и Михаил, Бурцов, Павел Калошин и Семенов. С Калошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком: я сдружился с ним, почти жил в нем».

Среди перечисленных лиц есть и члены «Союза спасения» и будущие члены «Союза благоденствия». Пущин вступил в «Союз спасения» летом 1817 г., когда Пушкин отдыхал в Михайловском (он уехал туда 8–10 июля и вернулся обратно в Петербург в конце августа).

Еще теснее связался Пушкин с декабристами на следующем этапе истории тайного общества. Связь эта стала уже не только идейной, но и организационной. «Союз благоденствия» был основан в 1818 г. и просуществовал до января 1821 года. В его составе было тайное литературное общество «Зеленая лампа», членом которого был Пушкин. Это была так называемая «побочная управа» «Союза благоденствия».

Чтобы правильно оценить направление деятельности этой «управы», напомним, что «Союз благоденствия» был противоправительственной организацией. Недаром в своих показаниях Пестель говорил: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования, и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного его устройства и положительнейшего изъяснения его цели, которая всегда пребывала революционная». Осталась она таковой на этапе «Союза благоденствия», только приняла своеобразные формы. В этом отношении отличием «Союза благоденствия» от предшествовавших и последующих тайных организаций декабристов было только некоторое отдаление срока открытого выступления против царизма. «Союз благоденствия» прямой и непосредственной своей задачей считал подготовку общественного мнения к борьбе за конституцию, за политический переворот, свергающий монархию. Опору своей деятельности он рассчитывал найти в самых разнообразных общественных слоях.

Антиправительственные цели «Союза благоденствия» совершенно точно оценил шпион Грибовский, пробравшийся в Коренную думу союза. «Тайная цель главных руководителей – возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присваивать не могут», – пишет он в своем докладе.

Члены «Зеленой лампы», как и члены «Союза благоденствия», должны были давать клятву в сохранении тайны; давал эту клятву и Пушкин. Достаточно познакомиться с политической стороной деятельности «Зеленой лампы», чтобы понять, почему подобная клятва была необходима. Политические разговоры и доклады в «Зеленой лампе» были чрезвычайно серьезны. Об этом выразительно говорят случайно уцелевшие остатки архива «Зеленой лампы», дошедшие до нас. В архиве этом сохранен, например, текст политической утопии «Сон», написанной, по предположению Б. Л. Модзалевского, членом «Зеленой лампы» А. Д. Улыбышевым. Особенно ценно в этом замечательном документе утверждение общности

политических установок «Сна» для всех членов «Зеленой лампы». Исходя из этого, мы можем предположить, что и Пушкин сочувственно относился к идеям «Сна». Автор его рассказывает о том, какой сон видел он в прошлую ночь; этот сон «настолько согласуется с желаниями и мечтами моих сотоварищей по «Зеленой лампе», что я не могу не поделиться им с ними». Утопия автора была, очевидно, прочтена на заседании «Зеленой лампы», и вполне вероятно, что в числе слушателей ее был и завсегдатай «Зеленой лампы» – Пушкин.

* * *

Автор «Сна» видит себя в Петербурге. Но он не узнает знакомого города: «На каждом шагу новые общественные здания привлекают мои взоры, а старые, казалось, были использованы в целях, до странности непохожих на их первоначальное значение. На фасаде Михайловского замка я прочел большими золотыми буквами: «Дворец государственного собрания». Общественные школы, академии, библиотеки всех видов занимали место бесчисленных казарм, которыми был переполнен город. Аничков дворец стал «Русским Пантеоном», но среди заполнявших его статуй и бюстов великих людей, прославившихся своими талантами и заслугами перед отечеством, автор не увидел бюста Александра I: его тут не было. На Невском проспекте вместо монастыря автор видит триумфальную арку, «как бы воздвигнутую на развалинах фанатизма». Звуки неслыханно, прекрасной музыки льются из здания, превосходящего по своей красоте все памятники римского величия. Открываются бронзовые двери необычайной величины – автор входит в здание вместе с толпой. Это – храм, в нем идет богослужение единому и всемогущему божееству, но служение ему решительно ничем не напоминает христианский культ.

Автор потрясен всем виденным. Он решается прикинуться «иностранцем», чтобы, не смущаясь, расспросить о смысле всего происходящего. Он приближается к старцу, только что перед тем обращавшемуся к толпе со ступеней алтаря, и спрашивает его: «Сударь, извините любопытство иностранца, который, не зная, должно ли верить глазам своим, осмеливается спросить у вас объяснения стольким чудесам. Разве ваши сограждане не принадлежат к греко-кафолическому вероисповеданию? Но величественное собрание, которого я только что был свидетелем, равно непохоже на обедню греческую и латинскую и даже не носит следов христианства».

«Откуда же вы явились? – ответил мне старец. – Или изучение истории до того поглотило вас, что прошедшее для вас воскресло, а настоящее исчезло из ваших глаз? Вот уже около трех веков, как среди нас установлена истинная религия, т. е. культ единого и всемогущего бога, основанный на догме бессмертия души, страдания и наград после смерти и очищенный от всяких связей с человеческими суевериями. Мы не обращаем наших молитв ни к пшеничному хлебу, ни к омеле с дуба, ни к святому миру, но к тому, кого величайший поэт одной нации, давней нашей учительницы, определил одним стихом: «Вечность имя ему, и его создание – мир». Среди простого народа еще существуют старухи и ханжи, которые жалеют о прежних обрядах. Ничего не может быть прекраснее, говорят они, как видеть архиерейскую службу и дюжину священников и дьяконов, обращенных в лакеев, которые заняты его облачением, колена преклоняются и поминутно целуют его руку, пока он сидит, а все верующие стоят. Скажите, разве это не было настоящим идолопоклонством, менее пышным, чем у греков, но более нелепым, потому что священнослужители отождествлялись с идолом? Ныне у нас нет священников и тем менее – монахов. Всякий верховный чиновник по очереди несет обязанности, которые я исполнял сегодня. Выйдя из храма, я займусь правосудием. Тот, кто стоит на страже порядка земного, не есть ли достойнейший представитель бога, источника порядка во вселенной? Ничего нет проще нашего культа».

Все говорит о том, что революция, о которой мечтает «Зеленая лампа», уже совершилась в России. Путь, которым пришло государство к этому сказочному Петербургу, – далеко не мирный путь. «Великие события, разбив наши оковы, вознесли нас на первое место среди народов Европы и оживили также почти угасшую искру нашего народного гения», – говорит дальше старец автору «Сна». «Леса, поддерживавшие деспотизм, рубнули вместе с ним», – говорит он в другом месте.

В России уже нет постоянного войска, уничтожен и старый герб империи – двуглавый орел. «В это время мы находились посреди дворцовой площади. Старый флаг вился над черными от ветхости стенами дворца, но вместо двуглавого орла с молниями в когтях я увидел феникса, парящего в облаках и держащего в клюве венец из оливковых ветвей и бессмертника». Отрублены две головы орла, «которые обозначали деспотизм и суеверие», – поясняет старец своему спутнику.

Пушкин в кружке «Зеленая лампа»

Он приглашает его войти в «Святоилище правосудия» – прекрасное здание на том берегу Невы. Святоилище это «открыто для каждого гражданина, и во всякий час он может требовать защиты законов». Тут заседает верховный трибунал, членом которого является сопровождающий автора старец. Автор хочет перейти мост, но внезапно... просыпается. Он просыпается от воплей пьяного мужика, которого тащат в участок под звуки рожка и барабана. «Я подумал, что исполнение моего сна еще далеко», – горько замечает автор, заканчивая свой рассказ.

* * *

Приведенного более чем достаточно для того, чтобы политическая сторона деятельности «Зеленой лампы» была засвидетельствована с полной категоричностью. Незаконченное послание Пушкина к «Зеленой лампе» говорит со всей ясностью о политической стороне деятельности этого тайного общества:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?..
Вот он, уют гостеприимный,
Уют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный им союз.
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство...

Пушкин говорит тут и о клятве, даваемой при вступлении в общество, и о символе французской революции – красном фригийском колпаке, и о «милом равенстве». Все это перекликается с политическими установками утопического «Сна».

В начале 1819 г. Пушкин был привлечен и к другому делу, идеологически связанному с «Союзом благоденствия», – к заседаниям по вопросу об издании политического журнала. Замысел этот принадлежал Николаю Тургеневу, у него же на квартире и собирались лица, которых предполагалось привлечь к участию в журнале. Тут были и лицейский преподаватель Пушкина, Куницын, и лицейские товарищи Пушкина – И. И. Пущин и Д. П. Маслов.

Во время чтения статьи Маслова о статистике Пущин почувствовал, что кто-то сзади взял его за плечо. Он обернулся: это был Пушкин. «Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле», – шепнул ему Пушкин на ухо, он был убежден, что у Н. Тургенева собралось заседание того самого тайного общества, о существовании которого он давно догадывался. «Верно это ваше общество в сборе?» – спросил его Пушкин, когда чтение кончилось. Ясно, что прежние уверения Пущина о том, что тайного общества не существует, не убедили его друга: он остался при своем мнении. По-видимому, и на этот раз Пушкин не поверил объяснениям И. И. Пущина.

Уже на этих ранних ступенях деятельности тайного общества (1817–1819) Пушкин был и поэтическим выразителем его идеологии и одновременно влиял на оформление этой идеологии своими стихами. Такие стихи, как «К Чаадаеву», «Деревня», также были насыщены декабристскими лозунгами. «Деревня» агитировала против крепостного права:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной позой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут

Для прихоти бесчувственной злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Никак нельзя считать это стихотворение протестом лишь против «злоупотребления» крепостного права. С большой отчетливостью в нем говорится о том, что «дикое барство» присвоило себе «и труд, и собственность, и время земледельца»: формула крепостного права дана здесь чуть ли не во всей своей теоретической, научной полноте.

В стихотворении «Ноэль» в форме шутильной рождественской песенки остро высмеиваются конституционные обещания Александра 1. Пушкин не верил в то, что Россия получит конституцию по воле царя. Ранее сформулированный в «Вольности» путь для ее получения – «Восстаньте, падшие рабы!» – оставался в силе: надеяться на царя не было никаких оснований:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!»

Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский, и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не измучен.

Узнай еще, в прибавку,
Что сделаю потом: Лаврову дам отставку,
А Соца – в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи
И людям все права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!»

В южной ссылке

Вольнолюбивые стихи и послужили причиной ссылки Пушкина. Свою роль сыграла тут и эпиграмма на Аракчеева. Эпиграмма была сочинена в связи с жестокой расправой Аракчеева с восстанием Чугуевских военных поселений:

В столице он капрал,
в Чугуеве – Нерон,
Кинжала Эандова везде достоин он.

Первоначально правительство предполагало даже сослать Пушкина в Соловки, но заступничество Карамзина и других влиятельных людей спасло Пушкина от Соловков. Он был сослан на юг, в Кишинев.

Причина ссылки была ясно сформулирована самим Александром I в разговоре с директором лицея Энгельгардтом. Пуштин в своих «Записках о Пушкине» так передает слова царя директору: «Энгельгардт, – сказал ему государь, – Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает». О том же свидетельствует декабрист И. Д. Якушкин (его свидетельство относится к ноябрю 1820 г.). Напечатанные вольнолюбивые стихотворения Пушкина «были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть».

По-видимому, причастность Пушкина к «Союзу благоденствия» «не исчерпывается участием его в «побочной управе» союза – в «Зеленой лампе». Вероятно предположение, что Пушкин был участником заседаний и самого «Союза благоденствия». Об этом с большой отчетливостью говорит он сам в дошедших до нас отрывках X главы «Евгения Онегина». В описании схода «Союза благоденствия» Пушкин включает себя самого в круг членов последнего:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал,
Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолические Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал.
Хромой Тургенев им внимал,
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Пушкин здесь тесно связывает себя с «Союзом благоденствия» и делает себя свидетелем важных моментов в жизни тайного общества.

Ссылая Пушкина на юг в 1820 г., правительство Александра I и не предполагало, что бросает поэта в кипящий революционный котел – самый бурный, какой только существовал тогда в России. Пушкин оказался в тех местах, где возникло и образовалось Южное общество декабристов, где действовал крупный идеолог декабристов и активнейший их организатор – П. И. Пестель.

Пушкин выехал в Екатеринослав в мае 1820 года. Последний год, проведенный в Петербурге перед ссылкой, а особенно год самой ссылки – 1820, – были годами больших событий в революционном движении как России, так и Западной Европы. Это было время неаполитанской революции, восстания в Пьемонте, военной революции в Португалии, военных заговоров во Франции, греческого восстания, испанской революции.

В России вспыхнуло Чугуевское восстание военных поселений (1819), несколько лет длилось напряженное донское движение, охватившее территорию немногим менее, чем во времена Разина. В 1820 г. в самой столице – царском Петербурге – возникли невиданные ранее волнения в гвардии – восстание Семеновского полка. Положение становилось все напряженнее.

Надо отметить и особо близкое знакомство декабристов с обстоятельствами греческого восстания. Пестель, например, был послан в 1821 г. генералом Киселевым в Кишинев специально для собирания данных об этом восстании и для выполнения серьезных дипломатических поручений, с ним связанных. Именно в один из этих приездов Пушкин и виделся в Кишиневе с Пестелем. Пушкин в Кишиневе оказался в самой гуще событий, связанных с греческим восстанием, познакомился с вождем восстания – Александром Ипсиланти, думал даже стать под его знамена.

«Союз благоденствия», его программа и тактика перестали удовлетворять членов тайного общества в годы возникающей революционной ситуации. «Союз благоденствия, казалось нам, дремал. По собственному своему образованию он был слишком ограничен в своих действиях», – пишет И. Д. Якушкин.

Среди декабристов давно зрела мысль о новой тактике, разрабатывался план близкого выступления.

Декабристы с глубоким сочувствием относились к испанским революционным событиям. Это прекрасно передал Николай Тургенев в записи своего дневника от 24 марта 1829 г. «Вчера получили здесь известие, что король Гишпанский объявил конституцию кортесов. Слава тебе, славная армия гишпанская! Слава гишпанскому народу! Во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству. Бывшие нынешние инсургенты... сколько можно судить по газетам, вели себя весьма благородно. Объявили народу, что они хотят конституции, без которой Гишпания не может быть благополучна, объявили, что может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству, но что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце гишпанского народа».

Размышления о правильности путей военной революции были поддержаны вспыхнувшим в октябре 1820 г. восстанием Семеновского полка. Декабристы не принимали в нем участия – выступила солдатская масса. С одной стороны, в этом восстании декабристы увидели столь пугавшее их самостоятельное массовое движение. С другой, – они восприняли восстание как доказательство готовности армии к открытому выступлению. Семеновское восстание как бы торопило их; они тяжело восприняли то, что солдатская масса обогнала их в своем выступлении. (Позже, готовя выступление, декабристы на юге опирались в своей агитации на семеновских солдат, сосланных в южные полки.)

* * *

Под воздействием всей этой окружавшей декабристов действительности они избрали новый путь действий. Началась подготовка военного выступления. Это был резкий поворот в истории тайного общества. Будущие декабристы нашли именно ту тактику, на основе которой и было осуществлено восстание 14 декабря на Сенатской площади и восстание Черниговского полка.

В этой атмосфере и был проведен в конце 1820 г. созыв представителей на Московский съезд «Союза благоденствия».

Гонцом на юг с оповещением о созыве съезда поехал И. Д. Якушкин. Побывав в Тульчине и Кишиневе, он отправился в имение Давыдовых – Каменку – обычное место сбора южных декабристов. Он был очень обрадован, когда в Каменке навстречу ему выбежал с распростертыми объятиями Пушкин. Пушкин не раз гостил в Каменке и проводил там долгое время. Он находился там в атмосфере политических разговоров членов тайного общества – оформленных и неоформленных его участников и единомышленников. Здесь же, в Каменке, в этот приезд Якушкина Пушкин оказался участником одного инсценированного декабристами заседания по вопросу о том, нужно или не нужно в России тайное общество. Пушкин горячо доказывал его необходимость. Заседание имело особую, конспиративную цель: нужно было дезориентировать генерала Раевского, догадывавшегося о существовании тайного общества. Надо, однако, признать, что декабристы на этом инсценированном заседании накануне съезда «Союза благоденствия» обсуждали важнейший для себя вопрос – центральный в повестке дня предстоящего съезда: быть или не быть тайному обществу в России.

Представив вначале все дело так, что в России действительно существует тайное общество, Якушкин затем расхохотался и объявил Раевскому, что все это было шуткой. «Другие также смеялись, кроме Александра Львовича Давыдова, рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом, но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал покрасневшись и сказал со слезою на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь: я уже видел жизнь мою, облагороженную и высокую цель перед собой, и все это было только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен», – пишет Якушкин в своих «Записках».

Съезд «Союза благоденствия» состоялся в Москве в январе 1821 года. Формально решено было тайное общество ликвидировать. Весть об этом южные делегаты – полковники Бурцов и Комаров – повезли на юг. Южная управа «Союза благоденствия» с Пестелем во главе в большинстве своем решения съезда не признала и на развалинах «Союза благоденствия» организовала новое тайное общество – Южное общество декабристов; оно было организовано Пестелем в марте 1821 года. На первых же его заседаниях был принят ряд важных постановлений, действенных до конца декабристского движения: требование республиканского правления, царевбийство и принятие тактики военной революции.

Свидание Пушкина с Пестелем прошло как раз в это бурное для тайного общества время, когда рождалась южная организация. Пестель был послан начальством в Кишинев для собирания сведений о греческом восстании и для выполнения ряда связанных с этим ответственных поручений правительства. 9 апреля 1821 г. Пушкин виделся с Пестелем и записал в своем дневнике широко известные строки: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...».

Как относился Пушкин к новым идеям в жизни тайного общества, к самой близости предполагаемого революционного переворота? Стихи этого периода дают ответ на этот вопрос.

В Кишиневе Пушкин оказался среди членов одной из самых ярких южных ячеек «Союза благоденствия». Тут он близко познакомился и подружился с главой кишиневской ячейки – одним из участников заговора декабристов, Михаилом Орловым, с «первым декабристом» Владимиром Раевским, с республиканцем Охотниковым, генералом Павлом Сергеевичем Пушиным (однофамильцем друга Пушкина) и другими. Всех этих лиц Пушкин перечислял позже в списке своих декабристских друзей и знакомых.

Вероятно, под непосредственным впечатлением разговоров с Пестелем Пушкиным написано одно из наиболее ярких его революционных стихотворений – послание к В. Л. Давыдову. Упоминание о великом посте и о лицемерном «говении» Пушкина дает основание датировать это стихотворение началом апреля 1821 года. Важно в этом стихотворении и упоминание об Ипсиланти, «безруком князе», и о греческом восстании, сведения о котором собирал Пестель:

...на берегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...

В этом стихотворении находятся знаменитые строки о революции в Неаполе и итальянских карбонариях. Оно пронизано убеждением, что и в России также произойдет революция, – и Пушкин приветствует, как счастье, ее «кровавую чашу»:

Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...
А все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...
Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлой струей,
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся
– И я скажу: «Христос воскрес».

Среди членов Южного общества было очень немного таких, которые принимали бы путь революции, как путь кровавой борьбы. Для большинства южан при всем их радикализме характерно убеждение, что, совершая революцию, можно избежать пролития крови. «Наша революция будет подобна революции испанской. Она не будет стоять ни одной капли крови, ибо произведется одной армией без участия народа!» – восклицал пылкий Бестужев-Рюмин, один из главарей Васильковской управы Южного общества, на конспиративном собрании членов общества соединенных славян в 1825 году. У Пушкина, как видим, мысли были другие и более глубокие.

* * *

4 мая 1821 г. Пушкин был принят в кишиневскую масонскую ложу «Овидий». Председателем ложи был член тайного общества и личный друг декабриста Михаила Орлова – генерал П. С. Пущин. Самый состав ложи нам до сих пор неизвестен. Но известно, что из числа членов тайного общества входил в ложу «Овидий» «первый декабрист» Владимир Раевский. Уже этих двух имен – Пущина и Раевского – достаточно для того, чтобы политический характер деятельности ложи оказался вне сомнения. «Уже одного имени В. Ф. Раевского достаточно, чтобы быть уверенным, что в ложе «Овидий» разговаривали не об одной благотворительности», – справедливо отмечает В. И. Семевский. Позже, предостерегая своих друзей от опасности, которая может им грозить в случае ходатайств за него перед правительством Николая I, Пушкин писал Жуковскому: «Я был масоном кишиневской ложи, т. е. той, за которую уничтожены в России все ложи». Утверждение Пушкина еще раз говорит о политическом характере ложи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.